

Когда мою кандидатскую утвердили в ВАКе, Ю.М. Лотман прислал коротенькое поздравление. На открытке изображена модель небольшого кораблика под ало-полосатыми парусами, на борту название — «Некман-Грундъ». На обратной стороне есть пояснение, что это плавучий маяк, который должен оставаться на своем месте даже во время большого шторма. С годами я в этой открытке начала находить некую символику — хотя, может быть, изначально никакой символики не было. Но я ее для себя там нашла, и, когда бывают в жизни штормы, на эту открыточку смотрю.

Галина Пономарева

Осколки воспоминаний о Ю.М. Лотмане

У меня в руках детский калейдоскоп. Я его медленно верчу. Осколки воспоминаний складываются каждый раз в причудливую мозаику.

Запах роз

Тарту. 1980-е годы. Работаю в Тартуском университете и учусь в заочной аспирантуре. Вошла в квартиру в доме на улице Бурденко, где жили Ю.М. Лотман и З.Г. Минц. Вручила цветы Заре Григорьевне. Она равнодушно сказала: «Не в коня корм». Тут же вклинился Юрий Михайлович: «Вы бы ей лучше бутерброд с колбасой принесли. А цветочки я возьму к себе в кабинет, если позволите». Кивнула головой. А Юрий Михайлович мгновенно впился носом в розы, как пчела. Вдыхал аромат. Я любовалась. Он с сожалением поднял голову от цветов и ушел с цветами в свой кабинет.

Еще о розах

В начале 1980-х годов Юрий Михайлович увлекался изучением правого и левого полушария мозга. И мы сотрудничали с группой ленинградских физиологов под руководством Л.Я. Балонова. Сейчас из этой группы осталась только лингвист Т. Черниговская. Балонов с женой жил летом в Эстонии, в Пеэду. У них был там небольшой дом. Это недалеко от Эльвы. В 1983 году Балонов умер на даче. Некоторое время спустя мы поехали с Юрием Михайловичем на поезде из Тарту в Пеэду, где жила вдова Балонова Д.А. Кауфман. Я нервничала, что-то перепутала, и мы вышли на остановку раньше. В Тыравере вместо Пеэду. Оттуда до Пеэду было около четырех-пяти километров. Ждать следующего поезда было долго, поэтому мы пошли пешком по шпалам. А это был сентябрь. Накрапывал дождь. Я была в полном отчаянии от своей рассеянности. Вне-

запно Юрий Михайлович спросил: «Здесь розами пахнет или у меня уже галлюцинации начались?». Я рассеянно ответила: «Так, наверно, пахло от молодого Карамзина». Молодой Карамзин, творчеством и биографией которого Лотман много занимался, был петиметром. Потом продолжила: «Духи у меня такие, розовые, болгарские, по два пятьдесят». В Ленинграде, на Невском проспекте, тогда был магазин «Болгарская роза», где я покупала духи в деревянном флаконе. Но в этот раз запах роз Юрия Михайловича уже не радовал.

В травматологическом пункте

В феврале 1981 года мы готовили семинар «Мозг и культура» с физиологами из Ленинграда. Мы должны были встретиться на кафедре с Юрием Михайловичем. Внезапно я узнала, что Юрий Михайлович упал на Домберге и на встречу не придет. Помчалась в Марьямыйза, в травматологическое отделение. Увидела Юрия Михайловича, которого везли на каталке. Глаза у него были закрыты. Позднее он вспоминал: «Первое, что я увидел, была плачущая Галя». Потом его куда-то повезли. Я пошла за каталкой. Стали заполнять бумаги. У Лотмана стали спрашивать данные. Ему было трудно говорить. Отвечала я. Время рождения. Адрес. Потом он с трудом достал паспорт. Медсестра спросила меня: «Кем Вы ему приходитеесь?». За меня ответил Юрий Михайлович: «Дочь». Медсестра с сомнением в голосе сказала: «Вы совсем не похожи». На следующий день я пришла навещать Юрия Михайловича в больницу. Он немного повеселел. В больнице ему сказали, что на той же каталке везли академика П. Аристэ, который упал на том же самом месте. Мы сидели за столиком, на котором лежала забинтованная гипсовая повязка и перед плакатом «Травматологический пункт — навстречу съезду». Я вспомнила фразу из книги «Уход за больными», которая была нашим учебником по медицине: «В больнице должны быть картины жизнеутверждающего содержания». Юрий Михайлович ответил, что в больнице, где он когда-то лежал, висела картина: «Расстрел 26 бакинских комиссаров». На следующий день его выписали. Семинар мы провели.

Рассматривая фотографии

Юрий Михайлович любил пошутить. Однажды к ним пришли в гости Лариса Ильинична Вольперт и Павел Семенович Рейфман, принесли сделанные ими фотографии семьи Лотманов. Юрий Михайлович посмотрел на фото, где были изображены он и Лариса Ильинична, а между ними сидела маленькая Сильвия — дочь Алеша. А потом сказал, обращаясь к Вольперт: «Мадам, а это плод нашего общего с Вами греха». Ларису Ильиничну, которая занималась французской литературой и руководила студенческим театром, трудно было чем-то смутить. Но тут она покраснела и чуть заикаться не стала.

В кабинете Зары Григорьевны

В кабинете Зары Григорьевны висел портрет Владимира Соловьева, творчеством которого она занималась. Однажды во время разговора Юрий Михайло-

вич протянул руку к портрету и спросил: «А ты что думаешь об этом, Владимир Сергеевич?». Соловьев безмолвствовал.

На предзащите

На заседании кафедры литературы должны были обсуждать мою кандидатскую диссертацию. А перед этим были другие важные текущие вопросы. Их так долго рассматривали, что пришлось сделать обеденный перерыв, а рассмотрение моей диссертации продолжить уже после обеда. Юрий Михайлович отреагировал на это словами: «Повесили на дыбу и ушли обедать». После обеда сытые и довольные литературоведы допустили к защите мою диссертацию.

Любимая цитата

Юрий Михайлович очень любил цитировать слова Митрофанушки из «Недоросля» Д. Фонвизина: «Всю ночь дрянь какая-то снилась: то матушка, то батюшка».

Стихотворный экспромт

Тема стукачей в Тарту была актуальна. Стукачи были и среди студентов. У нас на курсе один из них организовал вечер встречи с КГБ. Его папа был полковником. Слежка велась и за семьей Лотманов. Вспоминается экспромт Юрия Михайловича:

Накупили сухача,
Пригласили стукача.

Вадим Парсамов

«Всякое общение есть воспитание»

Эти слова Юрия Михайловича Лотмана (далее ЮМ) очень точно передают суть его педагогической системы. Те, кому выпало счастье быть его студентами, несомненно помнят, сколь разнообразным было общение Учителя с ними. И не только в университетских помещениях, но и у себя дома, в городском парке, в кафе и, наверное, еще много можно было бы указать мест, в которых ЮМ с необыкновенной щедростью делился с нами богатством своей души. Для нас это было счастье, а для него, как я сейчас понимаю, важнейшей потребностью, может быть, не меньшей, чем научная работа или чтение лекций. И не так уж